

Чи Ку сказал:

— Я не боюсь, но не стоит тратить время на таких людей. Он ведь не может вечно оставаться, и если он просто хочет денег, пусть не получит их.

Он был слишком взрослым для своего возраста, всё понимал и видел насквозь. В такой семье невозможно было не повзрослеть раньше времени. Тао Сяодун поднял руку и погладил его по голове. Чи Ку, хоть и чувствовал себя неловко, но не отстранился.

— Тебе не нужно быть таким взрослым, просто расти вместе с Сяонанем, всё будет хорошо, — Тао Сяодун смотрел на него и медленно говорил, — Я не знаю, какую роль ты отводишь себе в нашей семье, но для меня ты такой же брат, как и Сяонань.

Рука брата на голове была тёплой, его ладони всегда были такими, с самого детства. Каждый раз, когда Чи Ку касался руки брата, он вспоминал прошлое. Рука, которая вывела его из больницы зимой, рука, которая вела его за руку в тёмном дворе летом, и рука, которая держала его и Тао Хуайнаня за руки, когда они ходили в школу для слепых.

Рука взрослого человека, с тёплой и плотной ладонью.

Чи Ку кивнул и сказал:

— Ты мой брат, а он мой младший брат.

— Вот и всё, брат рядом, — Тао Сяодун потрепал его по голове, опустил руку и улыбнулся, — Тебе не нужно заниматься этими делами.

Чи Ку кивнул, но всё же сказал:

— Так будет проще.

Тао Сяодун фыркнул:

— То есть, ты вообще не слушаешь, что я говорю?

Чи Ку ответил:

— Я знаю, что ты хочешь дать ему деньги, но я не позволю ему шантажировать тебя.

Тао Сяодун говорил с ним так долго, но всё было напрасно. Чи Ку принял решение и не собирался его менять, что оставило Тао Сяодуна без слов.

Когда Чи Чжидэ пришёл в следующий раз, Чи Ку сразу сказал:

— Я поеду с тобой. Когда уезжаем?

Тао Хуайнань сидел рядом с ним и не издал ни звука. Его глаза были устремлены вперёд, и он никак не реагировал.

Чи Чжидэ взглянул на Чи Ку и не ответил.

Тао Сяодун кивнул в сторону дивана, показывая, чтобы Чи Чжидэ подождал.

Чи Ку сказал:

— Не надо ждать, поедем сейчас.

Тао Сяодун нахмурился и позвал:

— Чи Ку.

Но Чи Ку уже встал и пошёл к двери, сказав Чи Чжидэ:

— Пошли.

Чи Чжидэ не ожидал, что Чи Ку так поступит, и, подняв руку, попытался ударить его. Чи Ку отступил, и удар прошёл мимо.

Тао Сяодун указал на Чи Чжидэ:

— Ещё раз попробуешь ударить?

— Отец имеет право бить сына! — Чи Чжидэ покраснел от злости, его взгляд был полон ненависти.

Чи Ку спросил:

— Ты ещё поедешь?

Тао Сяодун подошёл и оттащил его обратно, лицо его было суровым, он сказал, чтобы Чи Ку не устраивал сцен.

Чи Чжидэ действительно пришёл за деньгами, ему вообще не нужен был Чи Ку, жив он или мёртв — ему было всё равно. Эти годы он считал его уже мёртвым. Миллион он и не надеялся получить, рассчитывал на тридцать-пятьдесят тысяч. Чи Чжидэ постоянно ходил в полицию, консультировался в суде, хотел подать на Тао Сяодуна за похищение ребёнка. Он просто хотел довести его до того, чтобы тот заплатил.

Он никак не ожидал, что всё сломается из-за Чи Ку. Если Чи Ку посмеет лишить его этих денег, Чи Чжидэ действительно мог убить его.

Но Чи Ку не собирался идти у него на поводу.

Никто не мог его переубедить, Чи Ку решил ехать с ним.

Тао Хуайнань сначала ещё говорил с ним, выражая своё нежелание, но, увидев, что слова не помогают, перестал.

Раньше Тао Хуайнань думал, что они никогда не расстанутся, но оказалось, что Чи Ку относится к этому так легко, будто это не имеет значения.

Сначала Тао Хуайнань был разочарован и опечален, но потом смирился. Сначала он каждый день просыпался с мыслью, остался ли Чи Ку, но потом перестал искать и спрашивать.

Это было не похоже на их прошлые ссоры, Тао Хуайнань предпочёл бы, чтобы Чи Ку встречался с кем-то, чем вот это решение уехать.

Вечером Тао Хуайнань лежал на кровати спиной к Чи Ку, лицом к стене.

Чи Ку позвал его:

— Тао Хуайнань.

Тот не отозвался.

— Не заикливайся на своих мыслях, — Чи Ку толкнул его в спину, — Я ведь вернусь, я обещал, что вернусь до начала учёбы. Думай об этом как о поездке.

Тао Хуайнань всё молчал.

— Ешь нормально, спи с братом, — Чи Ку смотрел на затылок Тао Хуайнаня и на край пижамы, выглядывающий из-под одеяла, — Не загоняй себя, слышишь?

Тао Хуайнань так и не заговорил, только слегка потёр глаза своим старым пледом.

— Я с тобой разговариваю, — Чи Ку повернул его на спину, — У меня будет телефон, если будет скучно — звони.

Тао Хуайнань раздражённо нахмурился и наконец заговорил:

— Заткнись.

Раньше всегда Чи Ку говорил, что он надоедает, но впервые Тао Хуайнань сам почувствовал, что устал от разговоров. Он не хотел слышать ни слова.

Тао Хуайнань хрипло сказал Чи Ку:

— С самого детства я всегда был рядом с тобой, и всё, что я говорил, тебя раздражало. Может, потому что я не вижу, я всего боюсь, а у тебя всё в порядке, тебе всё равно.

Чи Ку уже хотел что-то сказать, но Тао Хуайнань всхлипнул и тихо добавил:

— Если ты не вернёшься к началу учёбы, я попрошу брата перевести меня обратно в школу для слепых, и буду жить там, сам смогу учиться.

— Я так и знал, что ты заплачешь, — Чи Ку с досадой сказал, — Я же сказал, что вернусь, чего ревёшь?

Тао Хуайнань снова повернулся спиной, накрыв голову старым пледом, ребёнок не мог разобраться в своих запутанных эмоциях, но одно он знал точно — ему было грустно.

Чи Ку действительно ушёл.

Он ушёл с рюкзаком, с парой вещей, взял телефон и зарядку, больше ничего. Тао Сяодун даже не знал об этом, он ушёл на работу утром, а днём Чи Ку отвёл Тао Хуайнаня к магазину и ушёл сам.

Тао Хуайнань стоял, засунув руки в карманы, не заходя внутрь, и смотрел вниз, о чём-то думая.

Завтра был Новый год, и на улице уже слышались редкие хлопки петард, которые дети бросали на землю. Тао Хуайнань любил фейерверки, даже не видя их, ему нравилось слушать звуки и чувствовать атмосферу праздника. Каждый год Чи Ку сопровождал его, держа его за руку, когда они зажигали петарды, а потом быстро убегали.

В этом году они ещё ничего не запускали.

Он простоял несколько минут, зимнее стекло двери было покрыто толстым слоем инея, и люди в магазине не заметили, что кто-то стоит у входа, и не вышли позвать его.

— Опять плачешь?

Шаги приблизились, и прозвучал вопрос, полный досады.

Тао Хуайнань покачал головой, не поднимая глаз, и спросил:

— Ты почему ещё не ушёл?

Чи Ку ответил:

— Ты стоишь тут, как будто тебя бросили, как я могу уйти?

Половина лица Тао Хуайнаня была спрятана в воротнике куртки, и его голос звучал глухо:

— Ты ведь и правда меня бросил, разве нет?

— Бросил, блин, — Чи Ку толкнул его в спину, — Заходи, не стой тут дураком.

Тао Хуайнань не двигался, мех на его капюшоне развевался на ветру.

Чи Ку натянул капюшон, чтобы лучше защитить от ветра. Тао Хуайнань спросил:

— Ты вернёшься?

— Сколько раз ещё говорить, вернусь.

Тао Хуайнань кивнул и сказал:

— Хорошо,

но всё равно не двигался.

Чи Ку молча постоял с ним, потом наклонился и посмотрел на его лицо снизу. Нос Тао Хуайнаня был красным, то ли от холода, то ли от слёз, его большие глаза моргали, но в них не было света.

Маленький слепой всегда был слишком ранимым, он был слишком чувствительным.

Чи Ку посмотрел на него несколько секунд, потом выпрямился и обнял.

— Вернусь, — Чи Ку похлопал его по спине, прижавшись лицом к его щеке через капюшон и мех, и тихо сказал ему на ухо:

— Я твой пёс.

Чи Ку действительно ушёл.

Накануне Нового года, двадцать девятого числа двенадцатого месяца.

Родной дом был слишком холодным, в тот год Тао Хуайнань вместе с братом ездил навестить

могилы родителей, там было так холодно, что кости ломило. Чи Ку в тот холодный зимний день был раздет своим отцом и выброшен на улицу, а чашку молока, которую он отобрал у Тао Хуайнаня, вылил себе в рот.

Молоко из чашки пролилось на одежду Тао Хуайнаня, и Чи Ку носил эту одежду много дней, с тех пор в его дыхании всегда был слабый запах молока.

Тао Хуайнань провёл Новый год у Тянь И.

Дядя Тянь и тётя Тянь были дома и дали Тао Хуайнаню красный конверт.

Хотя Тао Хуайнань старался поддерживать разговор и выглядеть счастливым, он знал, что у него это плохо получалось.

Днём он полежал в комнате Тянь И, притворившись спящим. На самом деле он просто лежал с открытыми глазами, тихо и неподвижно.

<http://bllate.org/book/16228/1458156>